

(Продолжение. Начало в № 2)

Глава пятая
ЕКАТЕРИНОДАР: ОТСТУПЛЕНИЕ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

С Тумановыми я познакомился при следующих обстоятельствах. По просьбе моего хозяина я реквизировал в школе еще одну комнату, где надеялся поселить моего друга, который должен был приехать через день-другой и нуждался в жилье. В первую очередь я думал об Успенском [1]. Возвращаясь домой из квартиры Маршака и зайдя туда как-то вечером, я был встречен в дверях раздраженным возгласом: «Что вам угодно?» Включив карманный фонарик, я увидел мужчину, спящего на столе — единственной мебели в этой комнате. Я хотел было возмутиться, как женская головка поднялась из-под груды пальто, под которой он спал. Я поспешно ретировался и вернулся только утром.

Туманов представился сам, представил свою жену и попросил прощения за то, что захватил

мою комнату, объяснив это тем, что им некогда было идти, а швейцар сжалился и пригласил зайти. Я сказал, что буду только рад их присутствию, но попросил освободить комнату, если приедет Успенский. Они обещали все исполнить, и мы втроем отправились на ланч. Туманов знал несколько моих друзей по Петрограду, а вскоре рассказал мне о своих злоключениях за последние три года. Он был тяжело ранен на германском фронте и поехал на юг. Первый большевистский триумф застал Туманова в Одессе, когда он почти вылечился. Большевиков он терпеть не мог, но не видел причины не послужить России по-своему, став членом суда по расследованию растрат и хищений в комиссарской среде и подобного рода преступлений. Вскоре Туманов уже был председателем суда, выделяясь своими способностями и отношением к делу. В один прекрасный день он был арестован как «контрреволюционер» еврейским комиссаром, отконвоирован в тюрьму двумя еврейскими красноармейцами, передан в руки еврейского тюремщика и брошен в камеру, где уже

сидели три или четыре еврейских узника. Он так и не понял, почему его обвинили в контрреволюционной пропаганде, если не считать фразу одного экспансивного комиссара, однажды сказанную в тюрьме: «Вы не были бы столь увлечены вашей работой, если бы не ждали прихода белых в Одессу и не хотели бы прибрать к рукам этот суд».

Туманов ухитрился бежать и скрывался в какой-то хибаре на берегу моря в нескольких милях от Одессы. Большевиков выбили, и он вступил в Добровольческую армию. Туманов был слишком слаб, чтобы принимать участие в сражениях, но использовал свои знания в области военного законодательства на судебных должностях в тылу. С брезгливостью воспринял он назначение на один из постов в разведке, пикантные детали о провалах которой он мне поведал.

По мнению Туманова, секретные службы Добровольческой армии переполнены германскими агентами, любыми путями стремящимися помешать деятельности генерала Деникина. Он утверждал, что в каждом полку и в каждой канцелярии добровольцев орудуют прогерманские ячейки, ищущие возможность объединиться с подобными группировками в большевистских рядах. «Очень может быть, — говорил Туманов, — что в ближайшее время мы увидим прогерманских генералов как среди большевиков, так и среди их противников, слившихся воедино и противостоящих как правлению большевиков, так и режиму генерала Деникина, но дружественных по отношению к Германии».

Туманов также поведал мне об одной из самых худших ошибок, совершенных Добровольческой армией. Вначале большевистские офицеры и солдаты сдавались тысячами. Но внезапно верховное командование на фронте арестовало трех или четырех офицеров, перешедших к нам, и пригово-

рило их к смертной казни как предателей России. Один оправдывался тем, что не смог избежать службы в Красной Армии. Несмотря на то, что он был на чужой стороне, делал все возможное, чтобы срывать планы красноармейцев, однажды даже спровоцировав боевое столкновение между двумя отрядами. Доводы его были напрасны, и он был расстрелян на месте. Второй офицер, увидев, что оправдания бесполезны, занял циничную позицию, заявил, что ему было все равно кому служить, но предупредил своих обвинителей, что, расстреляв его, они потеряют опытного офицера. Его также расстреляли. Тоже случилось и с остальными. В результате с этого дня никто из офицеров не дезертировал из Красной Армии в Добровольческую. Поговаривали, что среди расстрелянных офицеров был Брусиллов, сын большевистского военачальника, старого царского генерала. Туманов устал от некомпетентности и предательства своих коллег по разведке. Многие из тех, кто не был прогермански настроен, говорил он, шпионили в пользу большевиков. Не могу сказать, сколько правды было в его словах.

Через несколько дней после того как я приехал в Екатеринодар, кубанский атаман — генерал Успенский [2] умер от тифа, пытаясь быстрее добраться поездом из Ростова. От этой болезни каждый день умирали дюжинами, но смерть генерала была совершенно особенным событием. Процессия растянулась по всей главной улице, и можно было встретить множество местных знаменитостей, как, например, опирающегося на трость генерала Шкуро [3], героя кубанской партизанской войны, невысокого, измученного болезнью и распутным образом жизни. Как и на всех российских похоронах, процессию возглавляли люди, несущие кресты, за которыми на определенном расстоянии шла белая лошадь, покрытая белой попоной и сопровождае-

мая белыми лошадьми с белой перевязью на ногах и одетыми во все белое провожатыми. За катафалком следовали родственники атамана, множество друзей, официальных лиц и несколько групп кубанских казаков в новенькой и ладно подогнанной британской униформе.

Жизнь в Екатеринодаре действовала на нервы, но по-настоящему не была столь уж лихорадочной или опасной. Каждую ночь слышались несколько ружейных или револьверных выстрелов, а утром судачили об очередном налете. По ночам я старался не ходить вдалеке от основных улиц. По дороге на железнодорожную станцию то и дело попадались неприятные люди, останавливавшие прохожих и просившие милостыню, это были тифозные солдаты, слегка помешавшиеся на этой почве. Их лица и тела были настолько худы, что казались прозрачными, а глаза горели лихорадочным огнем, когда они протягивали свои когтистые руки. Казалось, что они ни перед чем не остановятся, если бы у них осталась хоть капелька сил. Их вид ужасал, от них хотелось отшатнуться как от прокаженных. Впрочем, на нервы действовало все: постоянная неопределенность, слухи, ложные и подлинные, толпы на улицах чумного городишки, зрелище деморализации и нищеты.

Внезапно приехала труппа Московского художественного театра, и целый месяц театр был переполнен желающими посмотреть спектакли. Пьесы вышибали слезу патетикой и предчувствием того, что уходит целая эпоха и надвигается трагедия. Во время одной из сцен чеховского «Дяди Вани» во флигеле прозвучал револьверный выстрел. В тот вечер, когда это произошло, я был в театре, и сидящая рядом со мной девушка упала в обморок, и ее, стонущую, вынесли из зала. Мне потом рассказали, что ее возлюбленный несколько месяцев назад был

расстрелян большевиками у нее на глазах.

Было неясно, состоится ли очередное представление Художественного театра, так как в Екатеринодаре постоянно возникли перебои с электричеством, и спектакль мог быть в любой момент отменен из-за отключения света. В местной прессе развернулась ожесточенная полемика по поводу того, что местные владельцы электростанции делают это намеренно, чтобы получить взятку от Художественного театра. Естественно, что подобные предположения отвергались заинтересованной стороной, но я думаю, что так оно и было.

Потрясающие выступления труппы Московского художественного театра состоялись потому, что, желая бежать из большевистской России, она ухитрилась выехать на гастроли в один из городов [4], который вскоре был захвачен добровольцами. Как только белые взяли город, театр быстро отправился на юг. Большевики сразу же объявили его вне закона и пригрозили репрессиями оставшимся в Москве актерам Художественного театра. По слухам, ничего плохого с этими невинными заложниками не случилось, если не считать временного закрытия театра. Но их выступление в Екатеринодаре было нервным из-за опасений за свою судьбу в случае, если они попадут в лапы большевиков. Среди актеров была госпожа Книппер [5], вдова Чехова, игравшая главные роли в его пьесах «Дядя Ваня» и «Вишневый сад». Другими известными членами труппы были господа Качалов [6] и Берсенев [7]. Они говорили мне, что хотят поехать в Прагу, где когда-то выступали в довоенное время, а оттуда – в Париж и Лондон. Но боялись, что в этих западных городах у них может не быть успеха. Госпожа Книппер, проведшая несколько дней в Лондоне, высказала пару комплиментов осуждаемому многими английскому климату и заверила меня, что ее муж никогда не мечтал о переводе

своих произведений, но считал английский язык самым подходящим для своих пьес.

«Сколько же нервов надо потратить, — сказал мне один из членов труппы, — чтобы играть на сцене в такие времена!» Некоторые подшучивали надо мной по поводу пробольшевистских адептов в Англии. Как это так, спрашивали они, что люди в Англии не знают, что действительно творится в большевистской России. Если Англия знает, говорили они, что собой представляют большевики, то для чего писать чушь об их возвышенных идеалах, популярности и тому подобное.

«Отлично, — в конце концов сказал я, — напишите и подпишите протест, а я опубликую это в Англии. Вы там хорошо известны, и люди проникнутся тем, что вы говорите».

Вначале они ухватились за эту идею. Но потом кто-то напомнил, что их коллеги все еще в большевистских лапах. А затем признались, что не решились писать и подписывать протест против большевиков.

Репертуар Художественного театра в Екатеринодаре включал в себя чеховских «Дядю Ваню» и «Вишневый сад» («Почему в Англии его называют «Cherry Orchard»? — спрашивала меня госпожа Книппер), тургеневский «Месяц в деревне», адаптацию романа Достоевского «Братья Карамазовы» и пьесу Кнута Гамсуна «У врат царства». ■

(Продолжение следует)

**Перевод с английского и комментарии
Юрия Лучинского**

КОММЕНТАРИИ:

[1] Имеется в виду Успенский Петр Демьянович (1878—1947), известный русский оккультист, теолог, писатель, ученик и сподвижник Георгия Гурджиева. Карл Эрик Бекхофер был знаком с ним по встречам в Индии, Англии и дореволюционной России.

[2] Успенский Николай Митрофанович (1875—1919) — в ноябре 1919 года был избран атаманом Кубанского казачьего войска. Умер 17 декабря того же года от сыпного тифа.

[3] Шкуро Андрей Григорьевич (1887—1947) — один из наиболее известных участников Гражданской войны, генерал-лейтенант Добровольческой армии, рыцарь-командор английского ордена Бани, обладатель Георгиевского оружия. Был выдан англичанами и казнен в Москве за сотрудничество с немцами.

[4] Речь идет о Харькове.

[5] Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868—1959) — жена Антона Павловича Чехова, актриса Московского художественного театра, народная артистка СССР, лауреат Сталинской премии первой степени (1943 г.).

[6] Качалов Василий Иванович (1875—1948) — настоящая фамилия Шверубович, один из ведущих артистов Московского художественного театра, народный артист СССР.

[7] Берсенев Иван Николаевич (1889—1951) — настоящая фамилия Павлищев, один из ведущих артистов Московского художественного театра, народный артист СССР, с 1949 по 1951 год — главный режиссер театра им. Ленинского комсомола.